

УДК 101.3
ББК 87.3

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ И ФИЛОСОФИИ ЯЗЫКА В СИТУАЦИИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПОВОРОТА

Демин Илья Вячеславович

Кандидат философских наук, доцент кафедры философии и истории
Самарского государственного университета имени С.П. Королева
ilyadem83@yandex.ru
Московское шоссе, 34, 443086 г. Самара, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается проблема дисциплинарного статуса философии истории в контексте лингвистического (нарративного) «поворота», показывается зависимость лингвистической (аналитической) философии истории от базовых презумпций спекулятивной метафизической историософии и обосновывается необходимость переосмысления философии истории как дисциплины в горизонте герменевтической феноменологии.

Ключевые слова: история, язык, философия истории, философия языка, лингвистический поворот, нарратив, феноменология, аналитическая философия.

В современной философской литературе термин «философия истории» применяется для обозначения либо теории исторического процесса, либо теории (методологии) исторического познания, либо того и другого в совокупности. Иногда для различения этих двух аспектов говорят о «метафизике истории» и «исторической эпистемологии». При этом современная историческая эпистемология по преимуществу ориентирована на различные философские течения, возникшие под влиянием так называемого лингвистического поворота (аналитическая философия, постструктурализм, семиотика и др.), тогда как в классической или мета-

физической «историософии» опыт лингвистического поворота, как правило, не учитывается. В связи с этим на первый план выходит проблема соотношения «философии истории» и «философии языка». Может ли и должна ли «философия истории» быть сведена к «философии языка» (нарратива)? На какие исходные предпосылки опирается лингвистическая (аналитическая) философия истории? Как связана лингвистическая философия истории со спекулятивной метафизикой истории (теорией исторического процесса) и есть ли между ними вообще какая-либо связь? Все эти вопросы требуют прояснения и разрешения.

Рассмотрим трактовку философии истории в контексте аналитической традиции. Обратимся к работам А. Данто и Ф.Р. Анкерсмита.

Следуя традиции, заложенной классиками аналитической философии (Г. Фреге, Л. Витгенштейн), А. Данто усматривает задачу философии не в том, чтобы размышлять или говорить о мире, а скорее в том, чтобы «анализировать способы размышлений и высказываний о мире» [2, с. 7]. «Поскольку, однако, у нас нет иного доступа к миру, кроме как через посредство мышления и языка, постольку, даже ограничиваясь рассмотрением последних, мы едва ли избежим каких-либо утверждений о самом мире. Философский анализ наших способов размышлений и высказываний о мире становится, в конце концов, общим описанием того, каким мы обязана представлять мир при существующих способах мышления и языка. Короче говоря, систематически применяемый анализ приводит к дескриптивной метафизике» [там же]. Применительно к философии истории это означает, что ее темой становится не прошлое «само по себе» и не история как «всемирно-исторический процесс», но *язык историографических описаний*. Аналитическая философия истории накладывает запрет на высказывания об истории *самой по себе*, вне ее языковой (историографической, нарративной) репрезентации.

Аналитическая философия истории противопоставляет себя традиционной метафизической или «спекулятивной» философии истории, которую А. Данто определяет как «субстантивную».

Субстантивная философия истории претендует на описание и объяснение «*всей истории*», однако ее притязания *логически* несостоятельны. Несостоятельность историософских построений проявляется в том, что философ-«субстантивист» не только *фактически*, но даже и *гипотетически* не может обладать знанием *всей истории*. Отсюда следует, что субстантивная философия истории имеет *телеологическую* природу, философ-субстантивист всякий раз уже «*знает*» *цель* всемирной истории, а сама «*всемирная история*» истолковывается и представляется как движение к этой цели (отсюда – вопрос о цели и/или смысле «*всемирной истории*» как *основной вопрос* традиционной метафизической философии истории).

Философ-субстантивист, следовательно, сам должен пребывать *вне* истории, должен присутствовать при «завершении истории», быть «свидетелем» ее завершения. А поскольку такая позиция немыслима, то историософские построения разоблачают себя как *пророчества*. Философ-субстантивист высказывается о *будущем* так, как можно было бы высказываться только о *прошлом*. Предполагается, что вся «*мировая история*» для него *уже в прошлом, уже завершилась*. «В отличие от тех, кто прочитал весь роман и с определенной уверенностью способен судить о значении тех или иных событий в нем, философ истории не обладает знанием всей истории. В лучшем случае он знаком с ее фрагментом – всем прошлым» [2, с. 17–18]. Несмотря на это философ-субстантивист рассуждает в терминах «*всей истории*» и «*пытается, с одной стороны, открыть структуру всей исторической целостности, которую он экстраполирует в будущее, а с другой стороны, в свете этой целостной структуры установить значение событий прошлого*» [там же, с. 18].

Согласно А. Данто, *суждение о значении* (события, факта или эпизода) предполагает *знание финала или конца*: мы можем говорить о значении того или иного эпизода в тексте/нарративе благодаря тому, что знаем финал, конец повествования. Аналогичным образом и в истории судить о значении тех или иных событий можно лишь потому, что эти события *завершились*. Субстантивная философия истории в этом смысле есть *необоснованное притязание* на знание о «*конце истории*» (или, что то же самое, о цели/смысле «*исторического процесса*»).

В противоположность спекулятивным телеологическим построениям традиционной субстантивной философии истории, аналитическая философия истории имеет в качестве своей основной задачи *анализ логической структуры исторического нарратива*. «Аналитическая философия истории, – пишет А. Данто, – не просто связана с философией, она и *есть философия*, но философия, применяемая для решения специальных концептуальных проблем, возникающих как в практике изучения истории, так и в субстантивной философии истории» [там же, с. 11].

Если субстантивная философия истории претендовала на то, чтобы выносить суждения об *окончательном* (то есть *подлинном, истинном*) значении тех или иных исторических событий или процессов, то А. Данто в ходе исследования структуры нарративных предложений приходит к выводу о принципиальной незавершенности (*незавершимости*) исторического познания и истолкования прошлого. «Наше знание о прошлом, – утверждает А. Данто, – существенно ограничено нашим незнанием будущего. Установление границ есть общая задача философии, а установление *этой* границы есть специфическая задача аналитической философии истории в моем понимании» [2, с. 11] (курсив Данто. – *И. Д.*).

В «аналитической философии истории» А. Данто не ставится под вопрос само *понимание истории*, характерное для субстантивной философии истории и ставшее в настоящее время чуть ли не «общепринятым», а только показывается несостоятельность претензий философа-субстантивиста на «знание конца» и, следовательно, установление «окончательных значений», конечных (предельных) смыслов и/или «подлинной сути» тех или иных исторических фактов и событий. Однако уяснение «логической» и эпистемологической «несостоятельности» традиционных метафизических построений вовсе еще не означает, что пересмотрен сам основополагающий *принцип* метафизического мышления. Понимание «истории» остается у А. Данто спекулятивным и метафизическим. Выводы и притязания классической историософии отвергаются, а точнее *переворачиваются* (если в классической историософии имплицитно предполагается возможность и осмысленность суждений о цели истории и окончательном, то есть «подлинном» значении тех или иных фактов/событий, то в лингвистической философии истории Данто показывается невозможность/бессмысленность/логическая несостоятельность такого рода суждений), но *исходные презумпции* метафизического мышления остаются незатронутыми.

Другую попытку переосмысления оснований философии истории предпринял Фр.Р. Анкерсмит в своей работе «Нарративная логика. Семантический анализ языка историков». Подзаголовок этой книги сам по

себе демонстрирует приверженность «раннего» Анкерсмита принципам аналитической («лингвистической») философии, хотя его концепция исторического нарратива существенно отличается от аналитической философии истории А. Данто. Нарративная философия истории – это не что иное, как *теория исторического нарратива*, исторического повествования.

Центральным вопросом нарративной философии истории Анкерсмит считает вопрос о соотношении «исторического нарратива» с «исторической реальностью». Собственную позицию по этому вопросу он определяет как «нарративный идеализм» и противопоставляет ее «нарративному реализму» классической историографии и историософии. «Нарративный идеализм провозглашает автономность нарратива: в нарративе прошлое описывается с помощью сущностей, которыми не обозначаются вещи или аспекты прошлого. Построение и использование этих сущностей в нарративе подчиняется правилам, которые не являются простым отражением закономерностей, существующих в прошлом, но имеют свой собственный статус» [1, с. 14]. Исторический нарратив в этой связи нельзя назвать «картиной» или «образом» прошлого ни в одном из принятых значений этих слов.

Центральный тезис Анкерсмита заключается в том, что «прошлое» и «история» сами по себе *не имеют нарративной структуры*, а историограф не имеет в своем распоряжении набора «правил перевода» (с *языка прошлого* на *язык настоящего*), не имеет возможности «сравнить», сопоставить исторический нарратив с «самим прошлым». «Мы знаем, что прошлому как таковому нельзя приписать нарративную структуру; мы знаем также, что не обладаем набором правил перевода. Это означает, что если мы хотим знать больше об этом механизме, нам придется проводить анализ только на уровне нарративов» [там же, с. 137].

Главную задачу философии истории как «нарративной логики» Анкерсмит усматривает в экспликации *правил*, лежащих в основании всякого нарративного повествования и структурирующих наше знание о прошлом: «Если само прошлое, вопреки предположениям, лежащим в основе нарративного реализ-

ма, не навязывает нам особых способов, какими оно *должно* быть представлено в нарративе, а с другой стороны, очевидно существование правил его нарративного представления, то мы должны сделать вывод, что такие правила могут быть найдены только в ходе исследования природы нашего нарративного знания о прошлом. В этом и состоит позиция, которую я назвал «нарративным идеализмом» [1, с. 137] (курсив Анкерсмита. – И. Д.).

Обратим внимание на тот факт, что центральный вопрос нарративной философии истории (о соотношении исторических нарративов с «исторической реальностью») вообще не может быть адекватным образом сформулирован и разрешен в контексте лингвистической философии. Это связано с тем, что в лингвистической (аналитической) философии вообще и в философии истории в частности *не проблематизируются* основопонятия всякой историософской рефлексии – «история» и «историческая реальность».

Тезис о том, что «прошлое само по себе не имеет нарративной структуры», представляет собой не что иное, как *содержательное высказывание о самом прошлом*, о самой «исторической реальности». Это высказывание никоим образом невозможно вывести из анализа наличного языка историографии. Здесь, следовательно, нарративная (лингвистическая) философия истории отступает от своего основополагающего принципа: иметь дело только с «языком» (нарративом) и воздерживаться от высказываний о «самой реальности».

Позиция «нарративного идеализма» не может быть *извлечена* из анализа исторических нарративов, она с неизбежностью *предшествует* этому анализу. Интуитивной уверенности спекулятивной историософии в том, что прошлое подобно «машине» и его можно «картографировать» (адекватным образом *репрезентировать* в историческом нарративе), то есть позиции «нарративного реализма» Анкерсмит противопоставляет столь же *интуитивную* уверенность в том, что прошлое *само по себе не имеет* нарративной структуры и столь же спекулятивную позицию «нарративного идеализма». Как и в случае с аналитической философией истории А. Данто, мы имеем здесь дело с простым *переворачиванием* ключевых тезисов спекулятивной фило-

софии истории, а не с их критическим переосмыслением.

М.А. Кукарцева, рассматривая основные этапы аналитической философии истории, отмечает «существенный методологический порок аналитической теории философско-исторического нарративизма: пропасть между действительной исторической реальностью (объективной системой) и ее логической интерпретацией» [5, с. 66].

Таким образом, в контексте аналитической традиции «философия истории» трансформируется в «теорию исторического нарратива», которая есть не что иное, как *философия языка*. Философия истории редуцируется к логическому анализу *наличного* языка историографии. Такая редукция, однако, оставляет нерешенными и даже непроясненными многие вопросы:

– на каком основании можно делать какие-либо заключения о соотношении «исторического нарратива» и «исторического прошлого»?

– каков онтологический статус самого «исторического прошлого»?

– как соотносятся понятия «историческое прошлое» и «историческая реальность»?

– на каком основании следует различать «историческое» и «неисторическое» (внеисторическое)? и др.

Эти вопросы не могут быть поставлены в контексте аналитической (лингвистической или «нарративной») философии истории. В то же время *ответы* на эти вопросы имплицитно *предполагаются* во всякой теории исторического нарратива. Эти ответы *негласно* и *некритически* заимствуются лингвистической историософией из традиционной «субстантивной» или «спекулятивной» философии истории (философии истории как «теории исторического процесса»). «История» в рамках аналитической философии остается *тем же*, чем она была и в классической историософии, то есть процессом изменения/развития объекта (или «сущности») во времени. Базовой для понимания истории остается метафора «процесса» или «развития» («эволюции»). Таким образом, классическая «спекулятивная» философия истории и лингвистическая («нарративная») историософия, несмотря на всю их эпистемологическую несовместимость и раз-

нонаправленность, опираются на общее для них, «расхожее» и непроясненное, понимание истории как процесса развития во времени.

Означает ли это, что следует вернуться к парадигме субстантивной (спекулятивной) философии истории и постараться ее «улучшить», привести в соответствие с новыми интеллектуальными веяниями («лингвистический поворот», «нарративный поворот» и т. д.)? Нет, скорее, следует обратиться к *иной* традиции, в рамках которой базовые презумпции метафизической историософии не просто *переворачиваются*, но подвергаются *переосмыслению* на основании более исходных принципов. Таковой традицией является *герменевтическая феноменология*.

В контексте герменевтической феноменологии М. Хайдеггера «расхожее» понимание истории получает свое *экзистенциально-онтологическое* обоснование. То или иное сущее может обнаруживать себя как *историческое* не иначе, как через свою *принадлежность* миру Dasein, которое *изначально*, то есть в себе самом исторично (эту изначальную историчность Dasein Хайдеггер определяет как *экзистенциальную историчность*). Dasein не просто *пребывает* во времени-истории, но *сбывается*.

Исходная экзистенциальная историчность есть *событийность* бытия Dasein. Однако, будучи изначально и собственно событийным, Dasein *склонно* «забывать» о событийности своего бытия и впадать («падать») в историю, соответственно, «выпадать из истории». Сознательное и активное «участие» во «всемирной» истории, во всемирно-историческом «процессе» («миро-истории» [6, с. 426–427]) или же нарочитое в нем «неучастие» (например, «уход в частную жизнь») проистекают из одного и того же – несобственного – понимания истории как процесса изменения во времени (во «внешнем» «объективном» времени) и в экзистенциально-онтологическом смысле *тождественны*. Хайдеггер, таким образом, показывает *бытийную укорененность* понимания истории как «процесса развития во времени» в исходной экзистенциальной историчности Dasein.

Однако наряду с возможностью «падения», то есть несобственного («расхожего») понимания истории и историчности, экзистен-

циальная аналитика Хайдеггера указывает и на возможность *возвращения* к собственному, аутентичному пониманию «истории» и «мира». «Реализация» этой возможности предполагает переосмысление всех вопросов и тем, традиционно входивших в компетенцию «философии истории» (в обеих ее ипостасях – и как теории исторического процесса, и как методологии исторического познания) и разработку философии истории как региональной онтологии (региональной онтологии *исторического*) (см.: [3]).

Теперь следует спросить: должна ли философия истории как региональная онтология разрабатываться как *философия языка* (ее часть)? В каком отношении вообще находятся «философия истории» и «философия языка»? Базовая презумпция аналитической философии истории (*философия истории* может разрабатываться лишь в контексте *философии языка*) в горизонте герменевтической феноменологии может иметь какой-то смысл лишь потому, что «история» и «историчность» первоначально являются темой *фундаментальной онтологии*, которая эксплицирует *речь* в качестве исходной онтологической структуры и экзистенциально-онтологической сущности *языка* и которая *в этом смысле* есть *также и* «фундаментальная онтология языка» (см.: [7]).

Фундаментальная онтология М. Хайдеггера не является «философией языка» в том смысле, который вкладывает в это понятие аналитическая традиция. Это, впрочем, не означает, что герменевтическая феноменология игнорирует «лингвистический поворот». «Поворот к языку» в горизонте герменевтической феноменологии имеет иной смысл, нежели в контексте аналитической философии. Язык здесь эксплицируется в качестве исходного и нередуцируемого, «всеобъемлющего» и «вездесущего» феномена. Язык, как впрочем и «история», *«всюду и нигде»*. Такой подход к «языку» и «истории» (в отличие, например, от постструктуралистского) не несет в себе лингвистического и/или «историцистского» редуccionизма и релятивизма. Это связано с тем, что «философия языка» и «философия истории» не исчерпываются только фундаментальной онтологией речи и, соответственно, экзистенциальной аналитикой исто-

ричности Dasein (то есть уровнем *фундаментальной* онтологии), но должны быть переосмыслены в качестве соответствующих *региональных* онтологий. Возможность и необходимость такого переосмысления закладывается в самой фундаментальной онтологии Хайдеггера.

И философия языка, и философия истории, осмысленные и истолкованные в качестве «региональных онтологий», в конечном счете оказываются *производными* от фундаментальной онтологии как экзистенциальной аналитики Dasein.

Историчность принадлежит Dasein столь же исходно, как *речь, понимание и расположение*. Вот почему проблематика «философии языка» (как *региональной* онтологии) не предшествует проблематике философии истории, это принципиально *равноправные* дисциплины, которые в равной степени укоренены в экзистенциальной аналитике Dasein. И если философия истории как региональная онтология придерживается исходного понимания *временности и историчности*, эксплицированного в ходе экзистенциальной аналитики Dasein, то опыт «лингвистического поворота» в ней тем самым оказывается уже учтенным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анкерсмит, Ф. Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков / Ф. Р. Анкерсмит. – М. : Идея-Пресс, 2003. – 360 с.
2. Данто, А. Аналитическая философия истории / А. Данто. – М. : Идея-Пресс, 2002. – 289 с.
3. Инишев, И. Н. Хайдеггер и философия языка / И. Н. Инишев // Вестник Российского государ-

ственного гуманитарного университета. – 2008. – № 7/08. – С. 83–97.

4. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М. : Ad Marginem, 1997. – 452 с.

5. Херрманн, Фр. В. фон. Фундаментальная онтология языка / Фр. В. фон Херрманн. – Минск : ЕГУ : ПроPILEI, 2001. – 168 с.

6. Демин, И. В. Философия истории как региональная онтология / И. В. Демин. – Самара : Изд-во Самар. гуманит. акад., 2012. – 202 с.

7. Кукарцева, М. А. Аналитическая философия истории: вчера и сегодня / М. А. Кукарцева // Полигнозис. – 2009. – № 3 (36). – С. 62–71.

REFERENCES

1. Ankersmit F.R. *Narrativnaya logika. Semanticheskiy analiz yazyka istorikov* [The Narrative logic. Semantic Analysis of the Historians' Language]. Moscow, Ideya-Press Publ., 2003. 360 p.

2. Danto A. *Analiticheskaya filosofiya istorii* [Analytical Philosophy of History]. Moscow, Ideya-Press Publ., 2002. 289 p.

3. Inishev I.N. *Khaydegger i filosofiya yazyka* [Heidegger and the Philosophy of Language]. *Vestnik rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, 2008, no. 7/08, pp. 83-97.

4. Khaydegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moscow, Ad Marginem Publ., 1997. 452 p.

5. Kherrmann Fr.V. fon. *Fundamentalnaya ontologiya yazyka* [The Fundamental Ontology of Language]. Minsk, EGU Publ., Propilei Publ., 2001. 168 p.

6. Demin I.V. *Filosofiya istorii kak regionalnaya ontologiya* [Philosophy of History as a Regional Ontology]. Samara, Izd-vo Samar. gumanit. akad. Publ., 2012. 202 p.

7. Kukartseva M.A. *Analiticheskaya filosofiya istorii: vchera i segodnya* [Analytical Philosophy of History: Yesterday and Today]. *Polignozis*, 2009, no. 3 (36), pp. 62-71.

**TO THE QUESTION OF CORRELATION BETWEEN PHILOSOPHY
OF HISTORY AND PHILOSOPHY OF LANGUAGE
IN THE CONTEXT OF LINGUISTIC TURN**

Demin Ilya Vyacheslavovich

Candidate of Philosophic Sciences, Associate Professor,
Department of Philosophy and History,
Samara State University named after S.P. Korolev
ilyadem83@yandex.ru
Moskovskoe Highway, 34, 443086 Samara, Russian Federation

Abstract. The article deals with the problem of disciplinary status of philosophy of history in the context of linguistic (narrative) “turn”. It shows the dependence of the linguistic (analytical) philosophy of history from basic presumptions of speculative metaphysical historiosofia. The author explains the necessity to reconsider the philosophy of history as a discipline in the context of hermeneutic phenomenology.

The author makes conclusion that the problems of the philosophy of language are not preceded by the problems of the philosophy of history. In the context of the hermeneutic phenomenology, these are fundamentally equal disciplines that are equally rooted in the existential analytics of Dasein.

Key words: history, language, philosophy of history, philosophy of language, linguistic turn, narrative, phenomenology, analytical philosophy.